

Zbigniew Przybyła

Празднование в Польше столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина

Prace Naukowe. Filologia Polska. Historia i Teoria Literatury 7, 161-174

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Zbigniew PRZYBYŁA
Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Częstochowie

Празднование в Польше столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина¹

Участие польского общества в торжествах по поводу столетия со дня рождения великого русского поэта Александра Пушкина в эпоху после раздела Польши было трудной для поляков дилеммой морально-политического характера, широко отражающейся в польской информационной и общественно-культурной периодике того времени.

О польских торжествах, организованных в 1899 году в честь русского поэта, существенным образом информировал своих читателей „пушкинский” номер петербургского журнала „Kraj” („Край”)².

Для русских же была издана брошюра (в 139 страниц) „Русско-польские отношения и чествование поляками Пушкина (С.-Петербург, 1899)”, в значительной степени опирающейся на информационные материалы упомянутого номера журнала „Kraj” и, судя по заголовку, обогащенная анализом русско-польских отношений с августа 1897 года, т.е. с момента посещения Варшавы царем Николаем II и его семьей. Автор брошюры доказывал, что поляки ни в Пруссии, ни в Австрии не могут рассчитывать на осуществление своих чаяний и поэтому обречены на налаживание русско-польских отношений так, „(...) чтобы польская национальность в польском государстве почувствовала благожелательство со стороны власти и русского общества, даже прямое покровительство мирному и законному ее развитию”³.

Целью же этого русского текста было осуществление пожелания редактора журнала „Россия” (№ 33), который, комментируя чествование Пушкина поляками в Петербурге, выражал сожаление о недостатке взаимной информации как с русской, так и с польской стороны:

¹ Referat wygłoszony na konferencji naukowej na Uniwersytecie Moskiewskim z okazji 200. rocznicy urodzin A. S. Puszkina (luty 1999).

² См.: *Przegląd prasy*, „Kraj” 1899, nr 38, s. 19.

³ *Русско-польские отношения и чествования поляками Пушкина*, С.-Петербург 1899, с. 18.

Общество обществу аukaется, а отклика нет: он теряется где-то в промежуточном пространстве. Добрые русские намерения не доходят до поляков, польские до русских⁴.

Эти *pia desideria* (благие пожелания) русского публициста не могли реализоваться в порабощенном польском обществе, особенно на территории Царства Польского, где, как писал в 1866 году варшавский корреспондент журнала „Nowy Czas” („Новое время”), соблюдалось неписаное правило „(...) обособления от россиян и даже молчаливой неприязни к ним”⁵.

На взаимный бойкот — русские не общаются с поляками, поляки с русскими — сетовал в половине 80-х годов профессор Варшавского университета, историк Николай Иванович Кареев, который „(...) в течение двух кратких визитов в Краков и Львов завязал больше знакомств среди польской интеллигенции, чем за время своего пятилетнего пребывания в Варшаве”⁶.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Царстве Польском пушкинские юбилеи в 1887 и 1899 гг. „(...) отмечались в условиях, отнюдь не располагающих к более глубокому познанию его поэтического и общественного облика”⁷, и поэтому не удивительно, как писал в 1878 году Станислав Тарновский, что „(...) последние 30 лет российского правления были, правда, хотя и страшными для поляков, однако для России в Польше безуспешными и тщетными”⁸.

Правда, некоторые надежды вызывал несколько более мягкий политический курс правления генерал-губернатора, князя Александра Имеретинского, желающего снискать расположение поляков к прибывающему в Варшаву царю Николаю II. Эффект этого политического флирта не заставил себя долго ждать: российские власти выразили свое согласие воздвигнуть памятник Адаму Мицкевичу в 1898 году на улице Краковское предместье.

Однако, не легко было склонить польскую общественность к ответному жесту — празднованию юбилея автора „Евгения Онегина”, уж слишком хорошо помнили в Царстве Польском его антипольские стихи.

Пушкинскую оду, — писал учитель гимназии и литературный критик Антони Густав Бэм, — читает молодежь наша в школах, а ее наставники, пришельцы из-за Невы и Оки, объясняют текст согласно духу русской политики. Они говорят, что вопрос: кто победит — „Лях или Росс” — является только лишь риторической фигурой; что уже Пушкин шестьдесят лет тому назад, хотя это были другие време-

⁴ *Old Gentleman* (А. В. Амфитеатров), *Извлечение из фельетона „России” в № 33, 30 мая [в:] Русско-польские отношения.* с. 77-78.

⁵ *Z Cesarstwa*, „Kurier Warszawski” 1886, nr 75 b, s. 5. См.: А. Tuszyńska, *W oczach Polaków. Polacy i Rosjanie. Życie codzienne w Warszawie w latach 1865-1905, Zeszyty Historyczne*, Instytut Literacki, Paryż 1987, t. 430; также: *Rosjanie w Warszawie*, Warszawa 1992, s. 21-25.

⁶ J. Kulczycka-Saloni, *Nieobecni?*, [w:] *Z domu niewoli. Sytuacja polityczna a kultura literacka w drugiej połowie XIX wieku*, pod red. J. Maciejewskiego, Wrocław 1988, s. 187.

⁷ М. Toporowski, *Słowo od autora*, [w:] *Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*, Kraków 1950, s. 22.

⁸ S. Tarnowski, *Cesarz Mikołaj II w Warszawie*, „Przegląd Polski” 1897, t. 126, s. 18. См. также: Przygodny [Z. Wasilewski], *Warszawa współczesna w dwunastu obrazach*, Lwów 1903, passim.

на, не мог ни на одну минуту сомневаться в блестящем для русских результате вековой борьбы (...)»⁹.

Эти „громом гремящие” строфы оды „Клеветникам России” были, по мнению Бэма, „(...) настолько выразительны, что кто из поляков хотя бы раз внимательно их прочитал, тот никогда их больше не забудет”.

Для уроженца Галиции Станислава Гарновского стихотворение Пушкина под заглавием „Мицкевич” иллюстрировало готовность русских к прощению полякам их вины, но замалчивало вины русских перед Польшей.

Очень характерен в той же мере и Пушкин, когда взывает к Богу с просьбой простить Мицкевича, но при этом не задумывается не нуждается ли кто-нибудь другой в прощении еще в большей степени¹⁰.

Таким образом, незыблемые политические принципы порабощенного народа целиком исключали добровольное согласие поляков на празднование пушкинского юбилея. Хроникер краковского — в то время уж трижды лояльного — журнала „Czas”, („Время”), сообщая о чествовании Мицкевича в Петербурге в феврале 1899 года, организованном Союзом русских писателей и тамошней Литературной кассой, ставил отнюдь не риторический вопрос:

Дадут ли поляки юбилейный обед в честь Пушкина, как почтили обедом русские сотую годовщину Мицкевича, — не знаем. Но знаем точно, что нива литературной взаимности бывает также благоприятной, как и нива общей работы, о которой говорил г. Жуковский¹¹.

О том, впрочем, как далеко было до этой „общей работы”, свидетельствовал хотя бы тот факт, что три выдающихся польских прозаика не воспользовались приглашением российских властей приехать на чествование Мицкевича, ограничившись поздравительной телеграммой (Сенкевич) или письмами (Ожешко и Прус), в котором четко определили „(...) свои взгляды на условия сближения польского и русского общества”¹².

В связи с тем, что, как эвфемистически утверждал Бодуэн де Куртенэ в отчете о чествовании Пушкина в Кракове, „(...) в главном центре интеллектуальной жизни польского общества жизненные условия сложились таким образом, что единственным проявлением общественной жизни стало безусловное молчание” — навязанное царскими властями по случаю открытия варшавского памятника Мицкевичу — поэтому Варшаву вынужден был заменить Краков, где „(...) могли быть ясно сформулированы мысли, как и свободно высказаны чувства сожаления и симпатии”¹³.

Публицист же тогдашнего журнала „Nowa Reforma” („Новая реформа”) комментировал этот факт следующим образом:

Краков спас честь польского „европеизма” по отношению к России. Правда, не всем занимающимся литературой и даже занимающим в ней определенное место

⁹ T. Raclawicki [A. G. Bem], *Z pod zaboru rosyjskiego. List II*. Odbitka z „Dziennika Poznańskiego”, Poznań 1892, s. 23.

¹⁰ S. Tarnowski, op. cit., s. 16.

¹¹ *Kronika. Uczczenie pamięci Mickiewicza w Petersburgu*, „Czas” 1899, nr 10, s. 3. См.: L. Bazyłow, *Polacy w Petersburgu*, Wrocław 1984, s. 306-307.

¹² *Uczta Mickiewiczowska w Petersburgu*, „Czas” 1899, s. 2. См.: *Kronika Mickiewiczowska*, oprac. A. Bieńkowski, [w:] *Rok Mickiewiczowski. Księga pamiątkowa wydana staraniem Kółka mickiewiczowskiego we Lwowie*, Lwów 1899, s. 255-258.

¹³ J. Baudouin de Courtenay, *Puszkין w Krakowie*, „Dziennik Poznański” 1899, nr 142, s. 1.

дано было участвовать в пиру в честь Пушкина, но Россия должна быть довольна фактом, что пир произошел и что в его президиум можно присылать телеграммы со словами благодарности и поздравления¹⁴.

Итак, 31 мая 1899 года в зале краковской гостиницы Саской на торжественном приеме собралось 46 человек. Среди организаторов были три профессора краковского Ягеллонского университета: историк искусств Мариан Соколовский, специалист по классической филологии Казимир Моравский и славист Мариан Здзеховский. Всего участвовало 22 профессора: Бодуэн де Куртенэ, Цыбульский, Эстрайхер, Янчевский, Костанецкий, Мытельский, Павлицкий, Ростафинский, Цолль и др., а также литераторы: Котарбинский, Рыдель, Выспанский и др. Никто из приглашенных гостей из Варшавы не прибыл, сославшись на отсутствие паспорта, хотя все они — как отметил Бодуэн де Куртенэ, признали целесообразность чествования Пушкина в Кракове, где к автору „Евгения Онегина” отнеслись одновременно как к поэту-художнику, поэту русскому и ... общеславянскому. По мнению цитированного выше лингвиста:

В Кракове эта высказанная тяга к славянской солидарности (И. Розвадовский предложил даже создать Славянское общество — З.П.) была выдержана в тоне приподнятом и благородном, нисколько не отдавала ни кровожадностью, ни ненавистью к другим племенам и нациям (...). При этом никто не отказывался здесь от любых претензий на национальное равноправие, претензий, основанных на извечных и никогда не прекращающихся идеях о правах каждого народа на полноценное всестороннее развитие своих исторически обусловленных племенных черт¹⁵.

Празднование пушкинского юбилея торжественно открыла лекция, зачитанная М. Здзеховским, автором фундаментального труда „*Bajron i jego wiek*” („Байрон и его время”) (1897), в котором он выразил свои взгляды по отношению к Пушкину, так как он по-новому увидел творчество русского поэта, усомнившись в его байронизме¹⁶.

В упомянутой лекции М. Здзеховский, говоря о „Медном всаднике”, противопоставил — со ссылкой на Йосифа Третьяка (1889) — его автора Мицкевичу:

„Пушкин был лишь художником, тогда как Мицкевич был и художником, и пророком, и общественным реформатором (...)”¹⁷.

По мнению М. Здзеховского, творчество Пушкина открыло дорогу Льву Толстому „как самому мощному выразителю русского духа”. Поэтому в частном письме Л. Толстому М. Здзеховский охарактеризовал краковское торжество таким образом:

Одним словом, это был праздник, на котором мы скорее чествовали русскую литературу и Льва Толстого, ее величайшего представителя,

¹⁴ *Zuwag pesymisty*, „Nowa Reforma” 1899, nr 131, s. 1.

¹⁵ J. Baudouin de Courtenay, loc. cit.

¹⁶ M. Jakóbiec, *Puszkín w Polsce*, [w:] *Puszkín 1837-1937*, red. W. Lednicki, t. II, Kraków 1939, s. 161, 162.

¹⁷ Цит. по: *Общественное собрание в Кракове по поводу столетней годовщины со дня рождения Пушкина*, (в:) *Русско-польские отношения*, с. 81.

чем Пушкина (...). Между Мицкевичем и Вами гораздо более точек соприкосновения, чем между Мицкевичем и Пушкиным (...)¹⁸.

В свою очередь, М. Соколовский, поднимая тост в честь русских друзей Мицкевича, назвал три причины, которые привели к этой встрече: культурное и цивилизаторское сближение славянских народов, личная дружба Мицкевича и Пушкина, а также адекватный ответ на петербургские торжества в честь Мицкевича. Оратор, отдавая должное Пушкину, значение которого вслед за Спасовичем (1887), он признал равным роли Данта и Кохановского в их национальных литературах, заодно подчеркнул, что „(...) в жизни и произведениях русского поэта были струны, которые не могли не вызывать скорбного чувства в нашей груди (...)”¹⁹.

Сходные акценты можно было уловить и в выступлении К. Моравского, который призвал к тому, чтобы „(...) усиленно трудиться над ознакомлением со всем тем, что этого заслуживает. Мы должны уметь оценить, например, в России все, что в ней достойно удивления”²⁰.

Пушкин, по мнению К. Моравского, восхищает нас и блестящей формой своих творений и множеством благородных мыслей, разбросанных в его произведениях. Иногда задевает нас, притом несправедливо, когда не национальное, а правительственное вдохновение звучит в его лире”²¹.

После ужина участники юбилейной встречи отправили телеграммы в Пушкинский комитет в Петербург на имя редактора журнала „Kraj”, а также Толстому в Ясную Поляну.

В оценке корреспондента петербургского журнала „Kraj”:

По отношению к подбору лиц собрание принадлежало к числу самых изысканных, которые могли бы в Кракове иметь место, собрались люди очень разные по своим взглядам, но которых соединяла работа для прогресса, главным образом на культурной и интеллектуальной почве (...). В этом направлении должно было наверное произойти развитие взаимных отношений двух соседствующих народов... в другом столетии (разрядка моя — З.П.) со дня рождения Мицкевича и Пушкина”²².

Конечно, и в Кракове не замедлили появиться критические высказывания в адрес отшумевшего пушкинского юбилея. Варшавский профессор Владислав М. Козловский анонимно издал в Кракове брошюру под заголовком „Мицкевич и Пушкин и польское и русское общество”. В ней он подверг критике сам факт участия поляков в праздновании пушкинского юбилея, аморального в виду анти-

¹⁸ List Mariana Zdziechowskiego [2 VI 1899], [w:] B. Białokozowicz, *Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj*, Białystok 1995, s. 134-135, 83, 259-260.

¹⁹ *Общественное собрание в Кракове*, с. 84-85. См.: W. Spasowicz, *Aleksander Puszkina*, „Kraj” 1887, nr 6, „Dodatek literacki do Kraju”, s. 9.

²⁰ *Общественное собрание в Кракове*, с. 91.

²¹ Там же, с. 92. *Цитата в русском тексте неполная, ее окончание дается в польском отчете: Zebrańie towarzyskie w Krakowie z powodu 100-letniej rocznicy urodzin Puszkina*, „Kraj” 1899, nr 22, s. 19.

²² Obecny [pseud.], *Obchód na cześć Puszkina* (Korespondencja „Kraju”), „Kraj” 1899, nr 22, s. 19, 20.

польской трилогии юбиляра (Клеветникам России, Бородинская годовщина, Перед гробницею святой)²³.

Также неприемлемы для него были суждения русского поэта о польском ноябрьском восстании в письме генералу Бенкендорфу, а также выраженный в „Медном всаднике” и „Полтаве” апофеоз царского самодержавия, пусть в его петровском виде, и пушкинская идея мессианизма России в противовес европейскому пониманию тех же явлений в стихах Мицкевича (...)²⁴.

Столь же непримиримое отношение к политике примирения с царской Россией проявил пребывавший в Женеве Теодор Томаш Еж²⁵.

Протестуя в 1898 году против стремления некоторых исследователей во что бы то ни стало отыскать в творчестве Мицкевича мотивы примирения и резко возражая против концепции „единого плаща”, укрывающего Мицкевича и Пушкина, он помещает в журнале „Крај” полный текст своего письма, которое редакция петербургского журнала сознательно цитировала неполным образом.

Пушкина я высоко ценю как поэта и с радостью в этих торжествах принял бы участие путем корреспонденции, если бы не демонстрация, подготовленная спустя полгода после памятного открытия монумента Мицкевичу русскими властями. Из-за этой отвратительной, провокационной, обижающей нас демонстрации я вынужден как поляк воздержаться от всяких форм проявления восхищения перед памятью великого русского поэта и патриота. Пушкинский патриотизм не совместим и не сравним с патриотизмом Мицкевича (...). Врагом несчастного московского народа я не был и никогда не буду.²⁶

Писатель, следуя Сенкевичу, перевел два рубля в помощь голодающим в русских губерниях, призвав последовать этому примеру тех своих российских издателей, которые не выплачивали ему авторских гонораров.

Также и во Львове члены литературно-художественного кружка решили не принимать участия в пушкинском юбилее из-за того, что Пушкин, по их мнению, „(...) поднял руку на побежденных собратьев-поляков обрушившись на них всей мощью своего язвительного сарказма”, а также из-за „ненормальных отношений, какие существуют нынче между Россией и Польшей”²⁷.

В Варшаве, находившейся под властью царской России, пушкинские дни проходили с 6 по 8 июня. По необходимости они приобрели характер казенно-

²³ W. Lednicki, *Dookoła przeciwpolskiej trylogii lirycznej Puszkina*, [w:] *Aleksander Puszkina. Studia*, Kraków 1926, s. 36-161. См.: современную оценку антипольской лирики Пушкина в работах: В. Біалокозович, *Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku*, Warszawa 1971, s. 70-76; М. Топоровский, *Geniusz i caryzm. Rzecz o Puszkynie*, Warszawa 1971, s. 79-82, 130-133; А. Кушаков, *Пушкин и Польша*, Тула 1978; J. Łotman, *Aleksander Puszkina*, przeł. A. Węgrzyn, słowo wstępne B. Galster, Warszawa 1990, s. 6-7, 11-13, 161-163; J. Orłowski, *Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej*, Warszawa 1992, s. 88-90.

²⁴ [W. M. Kozłowski], *Mickiewicz i Puszkina oraz społeczeństwo polskie i rosyjskie*, Kraków 1899, s. 30, [w:] M. Jakóbiec, op. cit., s. 168-169.

²⁵ T. T. Jez, *Mickiewicz wobec ugody*, „Tydzień. Dodatek literacki Kuriera Lwowskiego” 1898, nr 20 i 21, s. 155-156.

²⁶ Цит. по: T. T. Jez o Puszkynie, „Nowa Reforma” 1899, s. 1.

²⁷ F. Rawita-Gawroński, *Jubileusz A. Puszkina*, „Iris” 1899, s. 307, 308.

государственной повинности, тем более что этому способствовало равнодушие польской элиты. Правительственная газета „Варшавский дневник” посвятила Пушкину отдельный номер, отпечатанный на веленовой бумаге. Варшавские еженедельники, такие как „Tygodnik Ilustrowany” („Иллюстрированный еженедельник”), „Wędrowiec” („Странник”), „Biesiada Literacka” („Литературная беседа”), „Echo Muzyczne, Teatralne i Artystyczne” („Музыкальное, театральное и художественное эхо”), — в противовес краковским журналам „Czas” („Время”) или „Przegląd Powszechny” („Всеобщее обозрение”), печатавшим очерки Й. Третьяка, — ограничились большей частью беглыми зарисовками творчества Пушкина, которые сопровождались комментариями типа:

Мы в Пушкине видим только и лишь только поэта; а как таковой он имеет неоспоримое право на чествование столетия со дня его рождения²⁸.

Согласно циркуляру министра просвещения юбилей автора „Евгения Онегина” праздновался во всех научных заведениях Империи. В связи с этим варшавские власти школьного департамента печатали юбилейные издания „для учеников и учениц старшего возраста средних учебных заведений (7510 экземпляров) и для учащихся младшего возраста (525 экземпляров) под общим заглавием „В память столетней годовщины рождения А. С. Пушкина (1799-1899)”²⁹.

Программа юбилейных мероприятий была утверждена 6 апреля того же года генерал-губернатором князем Александром Имеретинским³⁰.

Торжества начались 6 июня, в канун точной даты столетней годовщины со дня рождения поэта торжественным актом в Александрийско-Мариинском институте и бесплатными (для учащейся молодежи) гастролями Большого театра, выступавшего с инсценировками отрывков пушкинских произведений. В спектаклях были заняты актеры Малого театра. Зрителям особенно понравились картины, изображающие Пушкина и Мицкевича. Программу завершал апофеоз поэта на фоне героев его произведений. Спектакль повторялся и для взрослых (один бесплатный и два платных). В постоянной программе Большого театра значилась только-что возобновленная опера Петра Чайковского „Евгений Онегин”, в необыкновенном исполнении польскими и итальянскими актерами, с прекрасными костюмами и декорациями.³¹

7 июня после траурных богослужений в честь Пушкина, состоявшихся в кафедральном православном соборе, университетские власти организовали юбилейные торжества в Александрийском зале ратуши, с прочтением профессорских докладов о Пушкине и увенчанием бюста поэта. Двумя днями раньше в читальном студенческом зале университетской библиотеки была открыта выставка (бюст поэта, портреты, автографы, картины, произведения Пушкина и их переводы). С целью

²⁸ W. Trampczyński, *Aleksander Puszkina*, „Wędrowiec” 1899, nr 23, s. 145-146. также: J. S., *Aleksander Puszkina*, „Biesiada Literacka” 1899, nr 23, s. 488.

²⁹ См.: *Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем 1886-1889*, Москва-Ленинград 1949, с. 505.

³⁰ *Kronika bieżąca. Krajowa i zagraniczna. Jubileusz Puszkina*, „Rola” 1899, nr 17, s. 280.

³¹ T. Sivert, *Warszawskie Teatry Rządowe w latach 1890-1900*, [w:] *Dzieje teatru polskiego*, pod red. T. Siverta, *Teatr polski w latach 1890-1918. Część trzecia. Zabór rosyjski*, Warszawa 1988, s. 102-103.

увековечения юбилея в университете была учреждена стипендия имени Пушкина для нуждающихся студентов, фонд которой должны были составить добровольные пожертвования.

8 июня в Александрдрийском парке на Праге куратор общества трезвенников организовал грандиозные народные гуляния с танцами, при участии около 12 тысяч человек. Во время этих гуляний помимо типичных развлечений — читались биография Пушкина и отрывки из его произведений; на театральной сцене воспроизводились эпизоды из жизни поэта; всем желающим раздавались брошюры на русском языке озаглавленные „Пушкинская памятка 1799-26 мая 1899г”³².

Столь пышные чествования вызвали протест редакции журнала Польской социалистической партии „Robotnik” („Рабочий”), опубликовавшей на своих страницах статью „По поводу юбилея Пушкина”. Целью статьи было очевидное стремление отторгнуть рабочих от участия в юбилейных торжествах под руководством оберполицмейстера Лихачева, воспевающих автора мерзких произведений, славящих царя.

Всякие правительственно-полицейские действия — констатировал Юзеф Пилсудский, автор статьи — всегда у нас стремятся в сущности к той же цели: к усилению политического гнета и русификации³³.

Пушкинские торжества проходили и в ряду других городов Царства Польского, например, в Лодзи русское Музыкальное общество организовало вечер, в программе которого были отрывки произведений Пушкина, а также их музыкальные интерпретации. Из городского фонда двум гимназиям и Высшей ремесленной школе были выделены стипендии имени А. С. Пушкина для выдающихся учеников, каждая — по две тысячи рублей³⁴.

В Петербурге редколлегия журнала „Kraj”, склоняющаяся к политике примирения с Россией, организовала — при согласии министерства просвещения — литературный вечер (3 июня) и прием (4 июня) в честь юбиляра. Пушкинский вечер польской диаспоры с участием нескольких русских, знатоков и любителей польской литературы, состоялся в большом библиотечном зале храма св. Екатерины, в подвалах которого был похоронен король Станислав Август. Редактор журнала Эразм Пильтц в своей вступительной речи подчеркнул, что поляки, проживающие в Петербурге, относятся к участию в чествованиях Пушкина как к адекватному ответу на торжества в честь Адама Мицкевича, организованные несколько месяцев назад двумя русскими литературными обществами. После этого собравшиеся прослушали три выступления. Профессор В. Спасович, охарактеризовав Пушкина как творца и человека, „(...) начертил необычайно живой и всесторонний портрет поэта, особенно привлекательный благодаря тому, что не были

³² *Kronika warszawska. Zabawa w parku*, „Kurier Codzienny” 1899, nr 157, s.1. Вышли тогда также публикации: М. В. Дедов, *A. S. Puszkina w polskiej literaturze, s prilozeniem portrietow A. S. Puszkina i A. Mickiewicza*, Warszawa 1899, s. 24 i М. Toporowski, *Puszkina w Polsce, Zarys biograficzno-literacki*, s. 187.

³³ J. Piłsudski, *Z powodu jubileuszu Puszkina* [„Robotnik” 1899, nr 31], [w:] *Pisma zbiorowe*, Warszawa 1937, t. I, s. 259, 260.

³⁴ См.: *Kronika piotrkowska. Stypendia Puszkina. Na cześć Puszkina*, „Tydzień” [Piotrków] 1899, nr 23, s. 3.

пропущены некоторые отрицательные черты, наглядно ваяющие его мощную личность³⁵.

Доцент Ян Пташицкий представил интересный анализ „Бориса Годунова”, а доцент Ян Лось сопоставил и проанализировал польские переводы произведений Пушкина и работы о нем.

Юбилейный вечер состоялся 4 июня в ресторане „L'Ours” („Медведь”) на Мойке, в нем принимало участие 80 человек, о чем особо широко сообщалось на страницах русской печати — пушкинская библиография отметила 24 статьи в 24 газетах³⁶.

Из русских были приглашены: заместитель президента Императорской академии, сенатор А. Ф. Кони, председатель исторического общества профессор Н. И. Кареев, председатель Союза русских писателей П. Н. Исаков, председатель кассы взаимопомощи русских писателей, один из организаторов юбилейного вечера, посвященного Мицкевичу, профессор П. И. Вайнберг, а также многие другие ученые (К. Веселовский, К. Арабажин, А. Н. Пыпин, С. К. Булич) и редакторов газет: „России” (А. В. Амфитеатров), „Вестника Европы” (М. М. Стасюлевич), „Нового времени” (С. Н. Сыромятников — член редколлегии), Санкт-Петербургских ведомостей (князь Э. Э. Ухтомский).

Со стороны поляков, кроме редакции журнала „Kraj”, в юбилейном приеме среди прочих участвовали: соредактор варшавской газеты „Słowo” („Слово”) Антони Донимирский, Чеслав Янковский из Вильно, археолог из Кракова Феликс Конечный. Редактор Пильтц, объясняя значение юбилейного банкета, сослался на аналогичный пушкинский вечер в Кракове и кроме того зачитал приветственные телеграммы, присланные в редакцию журнала „Kraj”, который в своем 22 номере поместил все полученные по этому случаю письма. Позднее эти телеграммы перепечатал журнал „Петербургские ведомости”.

Речь В. Спасовича, как заметил обозреватель журнала „Kraj”, была отражением его критических взглядов на творчество Пушкина прежде всего как подражателя Державину, чиновного и государственного барда:

Вопреки общепринятому в русской критике мнению, что Пушкин был только поэт, был всегда поэт и ничего более. Я в нем усматриваю весьма значительный элемент проникающий его насквозь русской государственности того времени, который хотя и незаметен на первый взгляд, но сильно повлиял на его жизнь и отчасти определил весь ход, всю эволюцию его творчества³⁷.

Далее выступали как русские, так и поляки. Сенатор А. Ф. Кони в духе русского панславизма³⁸ высказал пожелание, чтобы во время празднования двухсотлетней годовщины со дня рождения Пушкина оказалось, что вопреки пророчеству Мицкевича: (...) поток высох, и обе скалы соединились, сохранив за

³⁵ Z. [T. Żuk-Skarszewski], *Wieczór literacki na cześć Aleksandra Puszkina*, „Kraj” 1899, nr 22, s. 21.

³⁶ *Библиография произведений А. С. Пушкина*, с. 905-906.

³⁷ *Речи на польском обеде 23-го мая*, (в:) *Русско-польские отношения*, с. 41.

³⁸ Ср. строку в стихотворении Пушкина *Клеветникам России*: „Славянские ль ручьи сольются в русском море?”.

собой все свойства своей природы, но будучи связаны прочным цементом взаимного уважения и золотой рудой любви к ближнему³⁹.

В другом духе — более близком сегодняшнему пониманию политической действительности, высказался профессор Арабажин, намекая на строфу Мицкевича, говорящую о „двух юношах под одним плащом“:

По моему глубокому убеждению, милостивые государи, у каждого должен быть свой, хотя бы и скромный, но свой, по мерке сшитый плащ: путь к общечеловеческому идет через освобождение личности и народа. Как личности, так и народу должны быть созданы условия для полного самовыражения⁴⁰.

Этот знаток польской литературы, автор книги о Казимире Бродзинском, отмечал, между прочим:

Нация, давшая человечеству Мицкевича, не могла не откликнуться живым приветом на торжество русской мысли и творчества⁴¹.

Выступление поэта и адвоката, издателя „Нового времени“ А. А. Андреевского было частично полемически направлено против провозглашаемых тогда тезисов В. Спасовича, которые для русского критика являются примером противоречивых мнений о Пушкине:

Спасович и Третьяк, не соглашаясь во взглядах на отношения Мицкевича и Пушкина к Петру Великому, одинаково характеризуют Пушкина как политического деятеля⁴².

Пушкин, по его мнению, умер человеком таким же свободным, каким он родился.

В оптимистическом тоне высказался профессор Кареев, отметивший большой прогресс — с 1880 года — в изменении характера отношения польской интеллигентной элиты к Пушкину. Примерно так же оценил русско-польские взаимоотношения издатель А. Ф. Пантелеев, который отдал должное новаторской в этой области работе В. Спасовича:

Сближение двух родственных народов на почве общих интересов — в свое время потерпело крушение; но идея сближения, основанная на взаимном понимании, не только не умерла, но даже при самых неблагоприятных условиях сказывается все сильнее и захватывает с обеих сторон самые разнообразные общественные группы⁴³.

Столь же примирительные акценты содержали выступления и других русских и польских участников юбилейного банкета (А. Донимирский, Л. Дымша, В. Кутиловский, Ф. Копера); это тем более стоит подчеркнуть, что раньше на протяжении первой недели после юбилейных торжеств в честь Мицкевича в Петербурге (9. I),

³⁹ *Речи на польском обеде 23-го мая*, с. 48.

⁴⁰ Там же, с. 64.

⁴¹ Там же, с. 63.

⁴² Там же, с. 51.

⁴³ Там же, с. 55.

наиболее распространенный в России журнал „Новое время” напечатал даже три статьи недружелюбного характера по отношению к польскому поэту и полякам. Автором двух этих статей был фельетонист А. В. Амфитеатров, который теперь во время пушкинского приема высказал пожелание:

„(...) чтобы искренность и прямота, обнаруженные в последних застольных речах, и откровенно высказываемые здесь взгляды сделались вообще возможны, и даже стали обязательными при обсуждении всякого рода вопросов, касающихся взаимных отношений между русскими и поляками⁴⁴.

Автор же статей, изданных под псевдонимом *Old Gentleman* (Старый джентльмен), обвинял в шовинизме создателя „Пана Тадеуша” и заодно „Трилогию” Сенкевича, стараясь доказать, что в области художественных достижений „(...) Мицкевич является сыном давней Польши, Пушкин же отцом новой России”. В сфере внелитературных проблем Старый джентльмен придерживался мнения, что „(...) и Варшава когда-то русифицируется⁴⁵. Зато после польского обеда в честь Пушкина Старый джентльмен со сдержанным оптимизмом констатировал улучшение русско-польских отношений:

Я не такой оптимист, чтобы воображать, чтобы стена между Русью и Польшею была сломана, — нет, она как будто бы стала тоньше⁴⁶.

Позднее редакция „Нового времени” положительно оценила пушкинский номер журнала „Kraj”, сомневаясь возможно ли было бы такое издание лет пять-шесть назад, поэтому тотчас же признала: Мы не можем не оценить этой свободной дани уважения⁴⁷.

В комментарии нуждается также письмо Сенкевича, написанное на французском языке и присланное в связи с пушкинским юбилеем князю Эсперу Ухтомскому с просьбой напечатать его в „Петербургских ведомостях”. Польский писатель обратился тогда с призывом к русским издателям, которые не выплачивали ему авторских гонораров, чтобы они

„(...) внесли свою лепту для детей, умирающих с голоду. Пусть каждый даст столько, сколько хочет, и сколько его чувства ему подсказывают⁴⁸.

Призывая других к благородному жесту, Сенкевич перевел 50 руб. для голодающих детей и тем самым косвенным образом присоединился к воззванию варшавского митрополита архиепископа Винцента Теофиля Хосьтяка-Попеля, который в пастырском письме побуждал верующих к пожертвованиям в пользу голодающих в 3 русских губерниях: самарской, казанской и оренбургской. Этот

⁴⁴ Там же, с. 60.

⁴⁵ Uwagi, „Kraj” 1899, nr 5, s. 25; *Sądy i poglądy*, „Kraj” 1889, nr 6, s. 26-28, nr 7, s. 26.

⁴⁶ *Old Gentleman* [А. В. Амфитеатров], оп. цит., с. 77.

⁴⁷ Редакционная заметка в № 1 июня „Нового времени” по поводу № 22 „Края”, (в:) *Русско-польские отношения*, с. 77.

⁴⁸ Перевод письма Генриха Сенкевича к редактору „С. Петербургских Ведомостей” Э. Э. Ухтомскому, (в:) *Русско-польские отношения*, с. 37.

призыв не у всех поляков нашел отклик. Так, например, публицист и деятель освободительного движения Станислав Кшеминский назвал эти сборы „оболами рабства”, утверждая, что „(...) гуманность (...) вырвала из наших сердец именно русская политика”⁴⁹; эти пожертвования, по его мнению, можно было бы предназначить, пожалуй, для униатов, переселенных в степи и дремучие оренбургские леса.

Письмо Сенкевича, между другими, поднимало проблему несоблюдения русскими издателями европейской конвенции в области сохранения авторских прав, из-под которой каждый польский писатель был практически изъят как подданный Российской империи. Именно в то же время (10.06) был напечатан отчет А. Лыкошина — председателя русской комиссии по авторским правам, который подтвердил возможность переводить в России чужие работы, пользуясь аргументом, что „(...) запрет подобных действий отрицательно сказался бы на дальнейшем развитии русского просвещения”⁵⁰. Не исключено, что Сенкевич — вопреки тому, о чем писал публицист журнала „Край”, воспользовался случаем „(...) чтобы свести счеты с недобросовестными русскими издателями”⁵¹.

Польская пресса сообщала о пушкинских торжествах в Петербурге (создание в Академии наук факультета художественной литературы и издательского фонда имени Пушкина, а также открытие пушкинской выставки, зрелище в Таврическом дворце, обед русской прессы, стипендии и пушкинская медаль для выпускников Александровского лицея, открытие в нем пушкинского общества и памятника поэту), в Москве (ежегодный торжественный акт в консерватории, шествие депутатов с венками к пушкинскому памятнику) и в Святых горах (триумфальные арки, венки на могиле поэта, спектакль в тамошнем театре, народные гуляния)⁵². Польские журналы сообщали также о торжествах в других городах Империи, например, корреспонденты журнала „Край” писали о намерениях чествования пушкинского юбилея городским советом Вильно (№ 16), о торжествах в Риге при участии польского Общества „Auszra” (№ 19, 23) и о чествовании этой годовщины в научных кругах Киева (№ 4). В пушкинском номере журнала „Kraj” цитировались отзывы галицийской прессы о юбилее Пушкина, организованном словенским обществом „Slovenia”⁵³, и сообщалось об участии в празднике польского общества „Ognisko” („Костер”).

Появились также польские оценки значения празднования сотой годовщины со дня рождения русского поэта для тогдашней России:

Празднование пушкинского юбилея — в оценке журнала „Nowa Reforma” („Новая реформа”) — вызвал заметное оживление либеральных и прогрессивных сил в России. Русские журналы славят

⁴⁹ Nąrrans [S. Krzemiński], *Składka na głodnych Rosjan — a Polacy*, „Nowa Reforma” 1899, nr 140, s. 1.

⁵⁰ *Z Petersburga*, „Kurier Codzienny” 1899, nr 158, s. 2.

⁵¹ W., *Nieporozumienie*, „Kraj” 1899, nr 23, s. 15.

⁵² См.: *Uroczystości w Petersburgu i Moskwie*, „Kraj” 1899, nr 22, s. 23; *Listy petersburskie. Uroczystości puszkiniowskie*, „Prawda” 1899, nr 25, s. 292; *Telegramy. Moskwa*, „Kurier Codzienny” 1899, nr 151, s. 3; *Telegramy. Petersburg. Sw. Gory*, „Kurier Codzienny” 1899, nr 155, s. 3; *Ostatnie wiadomości*, „Nowa Reforma” 1899, nr 130.

⁵³ *Prasa galicyjska o jubileuszu Puszkina*, „Kraj” 1899, nr 22, s. 22-23; *W Wiedniu*, „Kraj” 1899, nr 22, s. 23-24.

юбилей не только как литературное торжество, но и как начало и предвестие духовного развития России и пробуждения идеалов справедливости и гуманности⁵⁴.

Публицист же газеты „Prawda” („Правда”) обратил внимание на широкий диапазон общественного резонанса пушкинских праздников:

Благодаря обстоятельным статьям и исследованиям, благодаря специальным юбилейным номерам русских журналов, общество вспомнило, кем был Пушкин, узнало о многих подробностях, возможно новых для себя⁵⁵.

В перспективе же 200-летней годовщины со дня рождения великого русского поэта гораздо более важными, чем давние журнальные отчеты о юбилейных торжествах, являются тогдашние научные работы польских ученых, исследующих жизнь и творчество Пушкина. Эти труды обсуждались уже в книге Мариана Якубеца „Пушкин в Польше”, изданной в сотую годовщину со дня смерти автора „Пиковой дамы”. М. Якубец считает пушкинский юбилей в 1887 году началом „(...) основного перелома в истории отношения поляков к Пушкину⁵⁶”. Он поочередно обсуждает выступления Спасовича на страницах журнала „Край”, посвященные обоим пушкинским юбилеям, его два доклада в 1886 г. в Кракове: „Мицкевич и Пушкин у памятника Петру Великому”, а также лекцию о байронизме Пушкина, прочитанную в Петербурге (1888). Автор вышеупомянутого труда анализирует также полемические по отношению к взглядам Спасовича, относящиеся к Пушкину, якобы появившемуся в отрывке III части „Дядю”, работу Йосифа Третьяка „Следы влияния Мицкевича в поэзии Пушкина” (1889), его же работу „Мицкевич и Пушкин как байронисты” (1899), соотносящуюся с работой М. Здзеховского „Байрон и его время” (1888), а также его 2 статьи: „Пушкин и Россия” и „Молодость Пушкина”, напечатанные в год пушкинского юбилея. Й. Третьяк вновь полемизировал со Спасовичем в работе „Медный всадник Пушкина” (1900), между прочим по поводу заклеянных адресатов стихотворения „К друзьям москалям⁵⁷”.

Работы обоих пушкинистов, возникшие в юбилейные пушкинские годы, вместе с появившимися ранее трудами М. Здзеховского заложили прочные основы для польской пушкинистики, развиваемой в межвоенное двадцатилетие Вацлавом Ледницким⁵⁸, а после войны многими другими исследователями⁵⁹, работы которых отмечены в библиографически-литературном очерке М. Топоровского (1950), использованном также автором настоящей статьи.

Przełożyła Wincentyna Krasnowolska

⁵⁴ *Uroczystości na cześć Puszkina*, „Nowa Reforma” 1899, nr 132, s. 2.

⁵⁵ *Listy petersburskie. Uroczystości puszkiniowskie*, „Prawda” 1899, nr 25, s. 292.

⁵⁶ M. Jakóbiec, op. cit., s. 142.

⁵⁷ См. современное освещение этого вопроса в реферате В. Допарта *Rosja w twórczości poetyckiej Adama Mickiewicza*, выгłoszonым на XII Międzynarodowym Kongresie Sławistów w Krakowie, „Ruch Literacki” 1998, nr 3, s. 359-361.

⁵⁸ W. Lednicki, op. cit.; о том же, *Puszkini-Mickiewicz. Mickiewiczowy nekrolog Puszkina*, Kraków 1953; о том же, *Puszkini 1837-1937* и другие работы этого автора. См. также: M. Jakóbiec, op. cit.

⁵⁹ B. Galster, *Polskie badania nad literaturą rosyjską pierwszej połowy XIX wieku w XXXV-leciu powojennym*, [w:] *Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie*, Warszawa 1987, s. 265, 271-275.

Zbigniew PRZYBYŁA

The Hundredth Anniversary of A. S. Pushkins Birth in Poland

Summary

The topic of the essay is celebration of the 100th anniversary of Alexander Pushkins birth in Poland. Anti-Polish attitude of the Russian poet, mutual animosity between Poles and Russians as well as political prejudice did not favour recognition and appreciation of the poetic art of Pushkin, which was especially visible quite understandably in Warsaw, where the celebration were treated as official, national occasion. That was why the main events of the celebration took place in Cracow. The author also reports the celebration of the birth anniversary of the author of Evgeni Onegin in Russia, especially those involving Polish communities (e.g. in St. Petersburg). Russian celebration of the 100th anniversary of Adam Mickiewicz birth is also described and opinions comparing the two great poets are quoted.